

А. А. Алексеев
(СПбГУ / ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

ГРЕЧ. βαπτισμός И ЕГО СЛАВЯНО-РУССКОЕ СООТВЕТСТВИЕ *крещение*

Нем. *kristen* ‘христианизовать’ сопровождало политику Карла Великого в его борьбе за *imperium christianum*. Оно было усвоено в этом значении славянами в форме *кръстити* и использовано при переводе Нового Завета с греческого в качестве соответствия глаголу βαπτίζω. Образованное на глагольной основе сущ. *кръсть* стало передавать греч. σταυρός, тогда как параллельное отглагольное имя *кръщение* оказалось соответствием греч. βαπτισμός. Первоначальный славянский текст Евангелия использует слово *кръщение* также для обозначения других сакральных действий (Мк 7.4, Лк 11.38).

Ключевые слова: крещение славянских народов, греч. βαπτισμός, славянская христианская терминология, ст.-слав. *кръщениѣ*, русск. *крещение*.

Anatoly A. Alexeev
(SPb State University / ILI RAN, St. Petersburg)

The Greek βαπτισμός and its Slavonic and Russian equivalent *krъštenie*

The Old High German *kristen* ‘to christianize’ was the slogan of Charlemagne’s struggle for the Christian Empire. The Slavs residing within and near the borders of the Empire adopted it as *krъstiti* to translate Greek NT βαπτίζω. As a result, the deverbative *krъсть* received the meaning ‘cross’, whereas a parallel deverbative *krъštenie* means βαπτισμός. Besides, the early Slavonic NT text used this name to denote some other ritual actions (Mk 7.4, Lk 11.38).

Key words: Christianization of Slavonic tribes, Gk. βαπτισμός, Slavic Christian terminology, OCS *krъštenie*, Rus. *kreschenije*.

Греч. βαπτισμός ‘омовение’ обозначает обряд, через который осуществляется присоединение к христианской общине, вхождение в нее. В той или иной форме процедура сакрального посвящения (*initiatio*, *initium*) является неременным компонентом многих культур и религий. Использование при этом воды делает такого рода обряд, называемый в этом случае омовением (*ablutio*, *lavatio*), также и формой ритуального очищения. Септуагинта не знает существительного, но глагол ей известен в двух формах: βάπτω и βαπτίζω. Первая обозначает погружение в жидкость (Нав 3.15, Руфь 2.14, 1 Царств 14.27, Иов 9.31, Пс 67.24) или смачивание путем погружения обычно при описании деятельности жреца (Исх 12.22, Лев 4.6, 17, 9.9, 11.32, 14.6, 16,

51, Числ 19.18, Втор 33.24, 4 Царств 14.15). Вторая форма, βαλτίζω, встречается редко и имеет малоустойчивую семантику: ‘совершать омовение’ (Иф 12.7), ‘омываться от скверны’ (Сир 34.25), однажды речь идет об исцелении через погружение в Иордан царя Неемана по велению пророка Елисея (4 Царств 5.14). Наконец, однажды употреблено в образном контексте, где говорится о грехах, что они топят грешника (Ис 21.4)¹. В эллинистическую эпоху в Палестине получают широкое распространение разного рода омовения, о которых, в частности, упоминается в Ин 2.6, особенно у терапевтов, ессеев². Археология обнаруживает ванны для омовения (микве) в разных частях Палестины, в Иерусалиме и, конечно, в Кумране. Вследствие этого в Новом Завете заметно расширяется употребительность соответствующих лексем, здесь глагол βαλτίζω и существительное βάλτισμα, βαλτισμός употребляются около ста раз.

Показания Нового Завета далеки, однако, от согласия и однородности. Отказ от обрезания в качестве инициации придает этой необходимой процедуре исключительно символический характер. Несомненно, что Иоанн Предтеча совершал омовения, за которые получил прозвание Баптиста (βαλτιστής) в синоптических евангелиях. Его деятельность, которой уделено столько внимания синоптиками, неизвестна апостолу Павлу, тогда как Евангелие от Иоанна не подтверждает того, чтобы Иисус был омыт Иоанном (1.32–33) или сам кого-либо омывал (4.2)³. Возникающее из новозаветных повествований очевидное, но трудно постижимое противоречие заключается в том, что при принципиальной разнице миссий Иоанна и Иисуса обе они оказываются обусловлены исполнением одного и того же ритуала⁴. Первое по времени упоминание христианской инициации у апостола Павла в высшей степени метафорично: ὅσοι γὰρ εἰς Χριστὸν ἐβαλτίσθητε, Χριστὸν ἐνεδύσασθε, то есть «кто в Христа омылись, в Христа облеклись» (Гал 3.27, ср. Hartman 1997: 1). Тем не менее, к концу первого века омовение стало

¹ Русский перевод «дрождь бьет меня» следует еврейскому оригиналу, тогда как славянский «беззаконие погружает меня» воспроизводит Септуагинту.

² Обязательность омовения перед посещением территории Храма признавалась даже иноземными царями, правившими Иерусалимом (Иосиф. Древности 12.145, а также 18.38).

³ См.: Michaels 1999: 136–155.

⁴ Научная литература по этому вопросу огромна. Самое обширное собрание материалов о таинстве крещения см. Ablution 2011.

обычным элементом христианского ритуала. Латинские переводы – *Vetus Latina* в I веке и Иеронима в IV веке, а вслед за ними переводы на языки многих христианских народов предпочли заимствовать из греческого оригинала термин *baptisma* ‘омовение’, что освободило от интерпретации этого трудного вопроса. Из больших европейских языков только немецкий еще прежде Лютера породил термины *taufen* ‘омывать’ и *Taufe* ‘омовение’, вслед за готским *daupjan*, который находится в прямой зависимости от греческого оригинала, а не от латинской традиции. На этом фоне исключительным своеобразием отличается славянская версия с ее *крестить*, на первый взгляд образованным от существительного *крест*.

За два тысячелетия христианской культуры возникло представление о том, что крест сам по себе или нечто крестообразное (крестовина, перекресток) являются обычным и необходимым элементом культуры, хозяйства и цивилизации. Это вовсе не так. Как кажется, никаких общественно значимых хозяйственных, промышленных, архитектурных крестообразных форм не существовало⁵. Орудие пытки, примененное для казни Иисуса в Иерусалиме, греч. σταυρός, представляло собою столб или шест, возможно, заостренный. Как размещалась надпись на кресте «Иисус назорей царь иудейский» (Ин 19.19) в тексте Евангелия не указано, и конечно не к надписи были прибиты широко раскинутые руки Иисуса. Лишь лат. *crux* обозначало орудие пыток и смертной казни с наличием в той или другой форме поперечной перекладины (*patibulum*), но само сооружение при этом могло не иметь крестообразной формы (Cook 2014: 15–34.). Упомянутый эпизод в Евангелии от Иоанна привел к обычному крестообразному изображению распятия на иконах, которое лишено исторической достоверности⁶.

Глаголом, образованным от названия этого орудия, в христианских языках обозначаются крестные страдания распятого на кресте, как это представлено в нем. *kreuzen*, фр. *crucifier*, англ. *cross*, и только русский вместе с прочими славянскими

⁵ Интересные соображения и материалы по этому вопросу представлены в работе В. П. Казанскене «Литовский крест до христианства: к этимологии лит. *krikštas*» (Kazanskienė 2016). Действительно, лат. *crux* ‘крест’ могло явиться из названия какого-нибудь сельскохозяйственного орудия, но в последние две тысячи лет жизнь слова определялась исключительно новозаветным повествованием.

⁶ В русском переводе епископа Кассиана Безобразова (1970) вводится пояснение: «сделал надпись *на доске* Пилат и поставил на кресте».

языками связывает с глаголом *крестить* положительные коннотации, а именно, во-первых, обозначение ритуального омовения, во-вторых, проповеди, распространения христианства.

Если первое значение глагола *крестить* можно проиллюстрировать известной фразой из воспоминаний академика А. Н. Крылова: «Кажется, только Л. Н. Толстой помнил, как его крестили, когда ему было три дня отроду»⁷, то второе хорошо засвидетельствовано старыми источниками. Например, в сказании черноризца Храбра: «преже оубо словени не имахоу книгъ, но чертами чтахоу и гадахоу, погани бо соут. по томже кръстивше се роусками и греческами грамотами ноуждахоу са писати словенскоую речъ без устроениа» (Dzhambeluka-Kosova 1980: 144). Или в русской летописи: «Михаиль црь изиде с вои берегом и моремъ на болгары. Болгаре же, увидѣвше, не могоша стати противу <и> крститиса просиша и покоритиса грекомъ. Црь же крти <= крти> княза ихъ и болары вса» [Лавр. лет., 858 г.]; «кршна бысть вса земля болгарскаа» [Лавр. лет., 869 г.]. То же при употреблении отглагольного имени *крещение*: «Прежде крещения употребляли они <вогуличи> в пищу <...> даже и падалища» [Русский магазин I 79]⁸.

Кажется, что второе значение представляет собою логическое развитие первого, однако ранние случаи употребления основы *крѣст-* открывают более сложную историческую картину. Так, А. А. Турилов обратил внимание на запись в месяцеслове сербского служебного Апостола-Евангелия конца XIII в., где под 28 марта упоминается «побѣда княза боугарскаа михаила егда бѣ сборъ на нь кротста ради». Запись орфографически не совсем корректна, искажения могли быть обусловлены глаголическим оригиналом, почему исконная форма *крѣста* получила неожиданный облик. Издатель убедительно трактует эту запись как свидетельство о восстании бояр-шаманистов в 866 г. при известии о принятии христианства каганом Борисом. Именно это событие обозначено здесь словом *крѣсть*. (Turilov

⁷ Крылов А. Н. Мои воспоминания. Москва, 1945. С. 3.

⁸ В «Словаре русского языка XI–XVIII вв.» (вып. 8., 1981) это значение, однако, у слова *крещение* отсутствует. Сегодняшний термин с этим значением *христианизация* не известен словарю Вл. Даля даже в его расширенном переиздании И. А. Бодуена де Куртене (1903–09). Англ. *christianisation* появляется в конце XVI в. (The Oxford English Dictionary). Ср. также фр. *christianiser*, которое сопровождается переводом ‘в Христианскую веру привести’ и *se christiniser* ‘сделаться Христианином’ (Tatishchev 1839).

1999: 14–34). Случай сходного словоупотребления указала Ангелина Минчева в древнем переводе «Римских деяний», где греч. ἐν τῷ βαλτίσματι ἐδέξατο переведено на славянский «ис креста изать» и значит «исторгнут из христианской среды» (Minčeva 2011: 47). Говоря об этом случае, автор характеризует его как «архаическое употребление», имея в виду, что употреблено слово *крѣсть* *сгух*, хотя это не очевидно.

Оба автора упоминают также сходное словоупотребление Фрейзингских отрывков. Действительно, этот источник X века написан латинским алфавитом, свободен от греко-византийского лингвистического влияния и открывает довольно выразительную картину (Vondrák 1896: 52, 53, 57.).

(a) *zuetemu creztu i zuetei marii* ‘святому Христу и святой Марии’ *sancto Christo*

(b) *nas gospod zueti cruz* ‘наш господь святой Христ’, *noster dominus sanctus Christus*

(c) *bih cristen* ‘был крещен’ *fui bapizatus*

(d) *protiu bogu i protiu memu creztu* ‘против Бога и против моего Христа’ *contra deum et contra meum baptismum*

Издатель текста подобрал параллели из соответствующих литургических книг латинского обряда, но в своем комментарии изменил латинский оригинал с тем, чтобы примирить его с привычным славянским словоупотреблением. Так, он предложил вместо *cruz* ‘Христ’ в выписке (b) форму *križ* ‘крест’ (Vondrák 1896: 30), хотя такое чтение не дает в данном случае убедительного смысла. Вслед за ним SJS делит этот совершенно тождественный материал на две статьи *христъ* и *крѣсть*. Представляется, однако, что в приведенных случаях в переводе употреблено одно и то же слово, и речь идет о Христе и христианизации.

Разработанная позже этимология слав. *крѣсть* не оставляет сомнения в том, что слово восходит к имени Христа в немецком произношении *Kristus*. На это указал Петар Скок (Skok 1927: 177–198), отметив позже, что значение ‘baptism’ у этого слова стало славянским неологизмом (Skok 1931: 201–203). В общем с этой этимологией необходимо соглашаться (Vasmer 1964–1973; Helimskij 1993: 46–64). Весьма убедителен в ней тот момент, что *Kristus* объясняет огласовку корня славянского *крѣсть* (< *kri-*), тогда как долгий гласный в нем. *Kreuz* ‘крест’ не позволяет возводить к нему славянское слово. Несколько проблематичным кажется наличие глагола *крѣстити* при том, что в немецких источниках глагол от имени Христа малоупотреблен.

телен. В MHDW глагол *kristenen* поясняется «zum Christen machen, taufe», в Deutsches Wörterbuch глагол также приводится без иллюстраций, но с параллелями: «Christnen, baptizare, altn. kristna, dän. christne, altfranz. chrestienner, Middle Eng Cristnien» (DWB, s.v.). Сами эти формы и их словоупотребление весьма сходны с теми, какие привели Турилов и Минчева. Идет ли в них речь о Христе или кресте, позволяет решить лишь реконструкция, основанная на анализе этимологии и словообразования.

Между тем *кръстити* входит в число многочисленных германизмов и латинизмов ранней славянской терминологии христианства. Ср. *црькы* < двн. *chiricha*, *kirko* из гр. *κυρικόν*, *κυριακόν*; *алтарь*, *ольтарь* < лат. *altare* (*altus* ‘высокий’), гр. *θυσιαστήριον* = *жрътвьникъ*; *боукъвы* < нем. *buch*, ср. *γράμματα* = *кънигы* (Лук 16.6); *вино* < лат. *vinum*; *кризма*, *крыжьма* < лат. *chrisma*; *олъи* < лат. *oleum*, ср. *ελεи* = гр. *ἔλαιον*; *оцъть* < лат. *acetum*, ср. *уксус* = гр. *ὄξος*; *панежь* < двн. *babes*, лат. *pontifex*; *понъ* < двн. *pfaffo*; *мънихъ* < двн. *tunih*, лат. *tonicus* < гр. *μοναχός*; *поганъ* < лат. *paganus*; *постъ* < двн. *fasto*; *пънлъзь* < нем. *pfennig*, гр. *δηνάριον*, лат. *denarius*; *клевртъ* < лат. *collibertus*, гр. *σύνδουλος* *друзъ*, *подрузъ* (Мф 18.31); *комъkanie* < лат. *communicatio*; *причъстие* (Supr) < лат. *participatio*, ср. *приобъщение* < гр. *κοινωνία*; *скъдль* < лат. *skandella* ‘дранка’; *смокъва* < гот. *smakka*. ср. нем. *Schmack*, греч. *συκῆ*; *цвѣтъная недѣля* < лат. *dominica florum*; *хлѣбъ наставъшааго дъне* (Мф 6.11) < двн. *emtezzigaz* < *quotidianus*; *свѣтлая недѣля* < лат. *domenica in albis*. Такого рода списки не раз приводились в науке (Minčeva 2009: 537–600; Zagiba 1963; Frioli 2009).

Многие из них оказались включены в перевод Нового Завета, который выполнили византийские миссионеры Кирилл и Мефодий между 863 и 885 годами. Уникальное соединение греческого оригинала с латинской и германской христианской терминологией хорошо согласуется с историческими свидетельствами об условиях и ходе этой миссии. На этом фоне, однако, необычная и неповторимая история возникновения главного литургического термина привлекает особое внимание. Выше (см. прим. 11) мы отметили, сколь поздно имя Иисуса – или его мессианский титул — Христос стало опорой для концепции христианизации в европейских языках, тогда как этого рода семантика характерна для термина *кръстити* уже в раннем периоде его употребления в русской летописи X–XI вв. Это обстоятельство, по всей вероятности, связано с историчес-

кими особенностями эпохи, когда слово стало известно славянам.

Правление Карла Великого († 814), «апостола франков», и последующие десятилетия отличались деятельным миссионерством «сверху», которое служило не столько христианской этике, сколько образованию христианской империи. По временам его деятельность в этом направлении принимала крайне жестокий характер, вплоть до того, что в 774 г. он выдвинул лозунг «крещение или смерть» (Fried 2016: 123.). «В середине IX века вожди каролингского возрождения уже не агитировали за таинство крещения, но положили его в основание христианского общества», – говорит историк (Phelan 2014: 6.). Западные славяне в лице ободритов, лютичей (вильцев), лужицких сербов, обитавших большими массами по балтийскому поморью и берегам Эльбы, были вовлечены в эти исторические события как на стороне императора, так и на стороне сопротивлявшихся христианизации саксов. При этом крещальные обычаи на землях империи носили локальный характер и были весьма разнообразны (The New Cambridge Medieval History 2008: 2, 620). Моравские славяне, не будучи подданными империи, также испытывали непрерывное и значительное культурное и религиозное влияние, исходившее из военно-политического центра.

В этом контексте нем. *kristen*, ставшее политическим символом эпохи Карла Великого, было воспринято славянами как термин христианской инициации, как обозначение таинства, через которое происходит присоединение к Церкви, и в этом именно значении за несколько десятилетий славянская форма крестити получила распространение в среде всех славян — и тех, кто участвовал в военных и политических мероприятиях Карла, и тех, кто слышал и знал об этих событиях. На окраинах империи светские власти также поняли значение христианизации и сделали его одним из главных путей своей политики, как это было в случае Ростислава в Моравии и Бориса в Болгарии. Типичным способом христианизации было обращение племенного вождя или варварского царя в христианство, что означало обращение всего племени или народа. Катихизация была особо значима, коль скоро речь шла не о крещении младенцев, но взрослых людей. Проповедникам предписывалось разумное разъяснение основ новой веры, использование народного языка в проповеди (Pentkovskiy 2014: 32–36). Именно христианизация, как естественное следствие ритуального омовения, баптизма, стала центральным феноменом эпохи.

Известный сегодня текст славянского Евангелия сохраняет некоторые причудливые следы, восходящие к эпохе его происхождения. Так, в Мк 7. 3–4 сообщается о бытовых навыках фарисеев: фарисеи бо и вси иудеи аште не умыѣтъ роукоу тѣрѣште не ѣдатъ <...> и отъ коупла аште не покѣплѣтъ са (μὴ βαπτίσονται) не ѣдатъ, и ина мѣнога сѣтъ ѣже приѣса дрѣжати. крыштениѣ (βαπτισμός) стѣкльницамъ и чѣваномъ и котломъ и одромъ. Славянский текст приведен по источникам первого поколения — четвероевангелиям Мариинскому, Зографскому, Галицкому, в дальнейшем крыштениѣ заменяется в них на погрѣжениѣ, омываниѣ, мытиѣ. Переводчик проявил полное знание правил иудейского кашрута, согласно требованиям которого посуда подвергалась ритуальному очищению, и оно далеко не ограничивалось простым мытьем, для металлической требовалось, в частности, прокаливание на огне⁹.

Еще один подобный случай сохранился в Евангелии от Луки (11.38). Когда приглашенный к столу Иисус сел за трапезу с невымытыми руками, фарисѣи же видѣвъ диви са, ѣко не прѣжде кръсти са (ἐβαπτίσθη) прѣвѣ обѣда, куда позднейшие редакторы внесли естественную правку в виде глаголов измы са, умы са. Здесь очистительное таинство распространено на руки, но в отличие от Мк 7.3, где мытье рук объясняется гигиеническими требованиями, здесь имеется в виду религиозный этикет¹⁰. Эти два случая первичного словоупотребления говорят о том, что слово крыштениѣ означает определенное ритуальное действие, хотя и не то, для обозначения которого оно, казалось бы, было создано. Такое словоупотребление возможно лишь потому, что своим происхождением славянское слово связано не с крестом, но с Иисусом Христом.

Первичная ситуация неразличения семем *Christos* и *crux* и потери семемы *baptisma* была порождена устным характером

⁹ Ритуальное очищение посуды, предписанное в Левит 11.32–33, очень кратко. Полный свод такого рода правил создал раввинист Иосеф Каро (1488–1575). Русский перевод: Кицур Шульхан арух. Накрытый стол. Москва, 1999 (в частности, глава 116 говорит о кипячении и прокаливании посуды). Достаточно аккуратный разбор Мк 7.3–4 сделан в работе: Crossley 2004: 185–188.

¹⁰ Любопытную параллель содержит известный Изборник XIII века (РГБ, Q.п.1.18), где на л. 184 об. сказано о древних евреях, что они «крѣстиша са оу Моисѣа въ облацѣ и въ мори» (Reinhart 2015: 291). Здесь, однако, представлено метафорическое истолкование обряда омовения, как оно дано в Евангелии от Иоанна 1.33, где говорится об омовении Духом, и в 3.2–6, где говорится о рождении свыше.

проповеди (или информации) накануне появления в среде моравских и затем паннонских славян проповедников из Константинополя. В результате богословская нечеткость синоптической традиции в описании характера деятельности Иоанна Крестителя как предтечи Иисуса (с чего мы начали свое изложение) приобрела дополнительную размытость в славянской версии, где делом Иисуса уже прежде него оказался занят Иоанн Предтеча. Однако само понятие *сгх* в славянской версии св. Писания много потеряло из своей мрачной пыточной ауры, поскольку соответствующий глагол *σταυρόω* во всех своих формах оказался переведен глаголом *распяти*, тогда как и само существительное *σταυρός* в контексте Голгофы также передается через *распятие*. Случайно или осознанно, но славянская версия Нового Завета унаследовала богословскую традицию «креста славы», как она представлена в Евангелии от Иоанна 12.28 («прославил и еще прославлю») с заменой безысходно мучительного распятия оптимизмом Вознесения (12.32–33) и с особой умозрительной отчетливостью выражена в 1 Кор 1.17–18: «Не послал меня Христос крестить, но благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднен был крест Христов. Ибо слово о кресте для погибающих есть безумие, для нас же, спасаемых, есть сила Божия»¹¹. Крест не орудие пыток, это самый общий и наглядный символ христианства¹².

Не так просто определять темы и цели того или другого сложного и многозначного предприятия в прошлом, обычно оно воспринимается в связи с общей исторической ситуацией в целом, но в данном случае можно видеть, как конкретные лингвистические детали дают основание для вполне определенных выводов о характере дошедших документов.

Литература

- Ablution 2011 – Ablution, initiation and baptism: late antiquity, early Judaism, and early Christianity. Ed. D. Hellholm [et al.]. Vol. 1–3. Berlin; Boston.
- Alexeev, A. A. 2020: Preobrazhenie: bogoslovie i ikonografiya [Transfiguration: Theology and Iconography]. *Bibliya i khristianskaya drevnost'* 2 (6).
- Алексеев, А. А. Преображение: богословие и иконография. *Библия и христианская древность*. 2 (6).

¹¹ О кресте славы см.: Moltmann 1993; Viladesau 2006.

¹² См. об этом: Alexeev 2020.

- Cook, J. G. 2014: *Crucifixion in the Mediterranean World*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Crossley, J. G. 2004: *The Date of Mark's Gospel. Insight from the Law in Earliest Christianity*. London; New York: T&T Clark.
- DWB – *Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm*. I–XVI, Leipzig 1854–1960.
- ESJS – *Etimologický slovník jazyka staroslověnského*. 6. Praha, 1996
- Frioli, D. 2009: Tra Italia e Baviera: un'esperienza di frontiera per gli episcopati di Bressanone e Trento dall'alto al pieno medioevo. In: *Le alpi porta d'Europa, scritture, uomini, idee da giustiniano al Barbarossa. Atti del Convegno internazionale di studio dell'Associazione italiana dei Paleografi e Diplomatisti. Cividale del Friuli (5–7 ottobre 2006)*. A cura di L. Pani e C. Scalon. Spoleto, 537–600.
- Dzhambeluka-Kosova, A. 1980: Chernorizec Hrabr. O pismeneh [Monk Hrabr]. Sofija.
Джамбелука-Косова, А. 1980: Черноризец Храбрь. О писменехъ. София.
- Helimskiy, E. A. 1993: [The early Slavonic Christian terms of the Magyar]. In: *Slavyanskoe yazykoznanie. XI Mezhdunarodnyy s'ezd slavistov*. Bratislava, sent. 1993 g. Doklady rossiyskoy delegacii. M., 46–64.
Хелимский, Е. А. 1993: Ранняя славянская христианская терминология в венгерском языке. В сб.: *Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов*. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М., 46–64.
- Kazanskienė, V. P. 2016: [Lithuanian cross before the Christianization: on the etymology of Lithuanian *krikštas*]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 22 (1), 385–392.
Казанскене, В. П. 2016: Литовский крест до христианства: к этимологии лит. *krikštas*. *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XX* (1). 22 (1), 385–392.
- Levison, W. 1946: *England and the Continent in the Eighth Century*. Oxford: Clarendon Press.
- MHDW – *Mittelhochdeutsches Wörterbuch von G. F. Benecke*. Ausgearbeitet von W. Müller und F. Zarncke. Leipzig, 1854–1866.
- Michaels, J. R. 1999: Baptism and Conversion in John: A Particular Baptist Reading. In: Porter S. E., Cross, A. R. (eds.). *Baptism, the New Testament and the Church. Historical and Contemporary Studies in Honour of R. E. O. White*. Sheffield, 136–155.
- Minčeva, A. 1998: Entstehungswege der frühesten christlichen Terminologie bei den Slaven. *Orpheus. Journal of Indo-European and Thracian Studies* 8, 54–63.
- Minčeva, A. 2011: Arhaichna upotreba na dumata kръсть v starobŭlgarskija prevod na Rimskija paterik [Archaic use of the word КРЪСТЬ in the Old Bulgarian translation of the Roman Pathericon]. In: *Kirilo-Metodievski studii*. Kn. 14. Sofija, 45–53.
Минчева А. Архаична употреба на думата кръсть в старобългарския превод на Римския патерик. В кн.: *Кирило-Методиевски студии*. Кн. 14. София, 45–53.

- Moltmann, J. 1993: *The Crucified God. The Cross of Christ as the Foundation and Criticism of Christian Theology*. Minneapolis.
- Pentkovskiy A. M. 2014: [Slavic Liturgy of St. Methodius diocese]. In: *Sveti Ćirilo i Metodije i slovensko pisano nasleđe (863–2013)*. Beograd, 25–101.
Пентковский, А. М. 2014: Славянское богослужение в архиепископии святителя Мефодия. В сб.: *Свети Ћирило и Методије и словенско писано наслеђе (863–2013)*. Београд, 25–101.
- Phelan, O. M. 2014: *The Formation of Christian Europe. The Carolingians, Baptism, and the Imperium Christianum*. Oxford University Press.
- Reinhart, I. 2015: [Old Russian treatise contra ioudaeorum, its Greek archetype and source]. *Trudy instituta ruskogo yazyka im. V. V. Vinogradova. V. Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya ruskogo yazyka [Transactions of V. V. Vinogradov Institute of Russian Language. V. Linguistic source studies and the history of the Russian language]*. 2014–2015, 289–332.
- Райнхарт, И. 2015: Древнерусский антииудейский трактат, его греческий оригинал и проблема его происхождения. *Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. V. Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. 2014–2015. М., 289–332.
- Russkiy magazin 1792 – *Russkiy magazin trudami F. Tumanskogo [Tumansky's Russian Journal]*. Chast' 1. St. Petersburg.
Русский магазин трудами Ф. Туманского. Часть 1. СПб., 1792.
- SJS – *Slovník jazyka staroslověnského*. T. I–IV. Praha, 1966–1997
- Skok, P. 1927: La terminologie chrétienne en Slave: l'église, les prêtres et les fidèles. *Revue des études slaves* 7, (3–4), 177–198.
- Skok, P. 1931: Slave krstō «baptême». *Revue des études slaves* 11 (3–4), 201–203.
- Smith, J. M. H. 2008: Religion and lay society. In: McKitterick R. (ed.). *The New Cambridge Medieval History*. Vol. 2. CUP., 654–679.
- Tatishchev, I. 1837: *Vseobshchiy frantsuzsko-russkiy slovar'*. [Tatishchev's *Universal French-Russian Dictionary*] Izd. 3-e. Moscow.
Татищев, И. 1837: *Всеобщий французско-русский словарь*. Изд. 3-е. М.
- McKitterick, R. (ed.) 2008: *The New Cambridge Medieval History*. Vol. 2. CUP.
- Turilov, A. 1999: [Two neglected data of Bulgarian Church-Policy History. On the quest of formation of Bulgarian version of Menology in the First Kingdom epoch]. *Starob'lgaristika* 1, 14–34.
Турилов, А. 1999: Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. (К вопросу о формировании болгарского варианта церковного месяцеслова в эпоху Первого царства). *Старобългаристика* 1, 14–34.
- Vasmer, M. 1964–1973: *Etimologicheskiy slovar' ruskogo yazyka [Russian Etymological Dictionary]*. T. 1–4. М.
Фасмер, М. 1964–1973: *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. М.

- Viladesau, R. 2006: *The beauty of the cross: the passion of Christ in theology and the arts, from the catacombs to the eve of the Renaissance*. Oxford un-ty press, 2006.
- Vondrák, V. 1896: *Frizinské Pamáky. Jich vznik a význam v slovanském písemnictví*. Praha.
- Zagiba, F. 1963: Die abenländisch-lateinischen Grundlagen der slavischen literarischen Bildung von und während der Cyrillomethodianischen Zeit. *Wiener slavistisches Jahrbuch*. 10, 86–108.